

Алексей Пурин

ВЕДУТЫ

«Евдокия»
Екатеринбург
2015

ВЕДУТЫ. VEDUTE

by ALEXEY PURIN

Copyrights © 2015 by Alexey Purin

All rights reserved.

No part of this book may be reproduced in any form or by any means, including information storage and retrieval systems, without permission in writing from the Publisher and/or the Author, except by a reviewer who may quote brief passages in a review.

© Alexey Purin, text

© Sergey Slepukhin, illustrations

© Evdokia Slepukhina, book design

THE BOOK WAS PREPARED FOR THE 60TH ANNIVERSARY OF THE POET

ISBN 978-1-312-94416-9

Printed in the United States of America

Eudokiya Publishing House

eudokiya@gmail.com

Ведуты

***

I

В Венецию или Тоскану
махнуть мне хочется с тобой.
Раскину сказок лоск и кану
в мечтаний омут голубой.

Там утро ветром голубиным
вздувает штору на окне —
и маячок горит рубином,
как нежность жадная во мне.

Там тяжелят карман дукаты
почти игрушечной страны...
Да-да, мы сами виноваты
в том, что незнатны и бедны!

II

Поехали, простясь со страхом!
Забудь литературный сор,
с его немецким прибабахом,
под стук колес и скрип рессор.

Любви веселая наука —
и пар лирический над ней...
Ей-ей, ни Бёклина, ни Штука —
всё тоньше, всё куда страшней.

Гляди, как жить свежо и ново
в одной из жутких паутин,
где пьет всемирный Казанова
красу и молодость Мартин!

III

Дневной июльский взор нескромный
полузадернутых гардин
в библиотеке полутемной.
Тлен эльзевиров и альдин —

покой легенд: стада Адмета
и Ликомедова семья...
И страсти жаркая примета —
спроси, где запонка моя?

Скажи им, чтобы подождали...
Шел в комнату — и в рай проник...
Но помнишь эту жуть у Даля —
бежать по переплетам книг?

IV

Когда лежишь в полудремоте,
ладонью трепет полускрыв,
я жадно жду: вот-вот от плоти
души произойдет отрыв, —

и, вместе с плавящимся воском,
из уст дыханья райский пух
внезапным вылетит наброском
тех мест, где зрение и слух,

вкус, обонянье, осязание
в огонь сойдутся голубой
всепоглощающего знания —
слиянья полного с тобой.

*В Венецию или Тоскану
махнуть мне хочется с тобой.*

V

Но скоро — в скверике, в таверне,
ломая ложечкой бисквит, —
о бытия прекрасной скверне
на миг забудем: удивит

Венеция — сладка для ока,
смешной ребяческий уют!
Проси хоть клюквенного сока —
здесь так: и любят, и дают.

И ты, напоминая кошку
замашками ушедших рас, —
взаправду или понарошку —
слепащих не отводишь глаз.

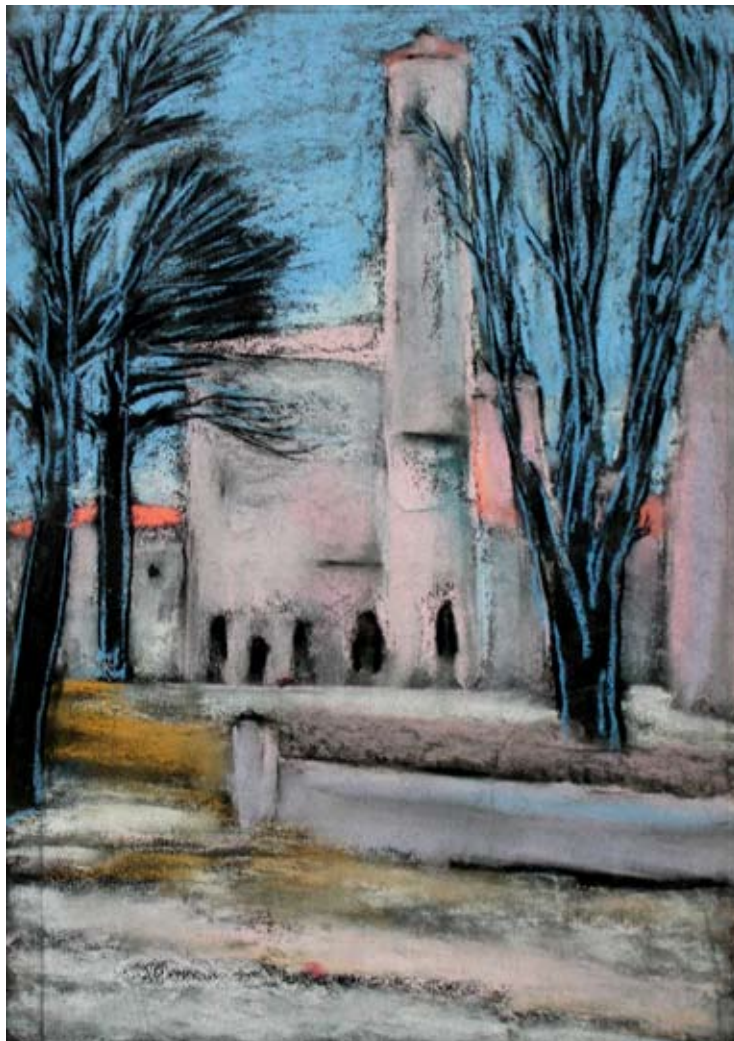
VI

Случившееся невозможней
(возьми нежнейшее из слов!),
чем тот, архангельской таможей
Петру дозволенный улов.

Что те смущающие пятна
(жаль, не заехали в Турин!),
любовь, твержу, невероятна —
как смерть («Взгляни на этих Фрин!»),

как жизнь... А мы — уже в музее,
где сводит живопись с ума,
где верят зренью ротозеи...
Лишь я тоскую, как Фома.

*Вкус, обонянье, осязание
в огонь сойдутся голубой
всепоглощающего знания —
слиянья полного с тобой.*

VII

Тут — Тициановы молоки,
там — фурии с огромным ртом...
Какие перистые строки
сравнятся с камнем и холстом, —

и всё — с одушевленным телом,
с осуществившейся душой!..
Ты бело-белого на белом
оттенок видишь небольшой?

Смотри: двусмысленны кумиры
Поэзии — мне жаль ее:
мечты кончаются и лиры
к утру. И жизнь берет свое.

VIII

И вот, чудовище с пивною
тупой жестянкой в кулаке,
мешая хмель с немой виною,
на гниловатом поплавке

стою, обняв льняные плечи,
и вижу: жесты все — как в том
романе... Лидо недалече...
Что ищет он своим шестом

на дне?.. Бежим! Возьмем карету —
пусть тащится едва-едва...
И книг не надо! Разве эту —
под лапой каменного льва.

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

БОЛОНЬЯ

1

С голубизной вливаются в стекло
и звон церковей, и плеск над голубятней...
Октябрьским теплым утром мне понятней,
что варваров в Италию влекло.

Еще не скинув козлоногих шкур,
они играли гроздью винограда,
и тешила их странная отрада
вина, и в грудь им целился Амур.

Так стали итальянцами — поправ
немые рукотворные кумиры,
чей дух вошел в их кровь и в их состав,

слив евхаристью с хором римских прав.
И я, вандал, здесь щедро трачу лиры
на граппу — перл вакхических отрав.

2

Пусть башни склонны падать — им упасть
не суждено, хоть в гулкие аркады
домов и не пернатые рулады
звучат, но тысяч мотоциклов страсть.

И в тыщи сот — от зноя, от дождя,
от недруга — упрятаны витрины, —
и ты гудишь, Болонья — рой пчелиный,
в Подесте мощном чуящий вождя!

Ты — в шлеме. Ты из северной страны
несешь на юг рунические знаки
и сумрачные каменные сны.

И голубь известь ест слепой стены.
И сквозь забрала видят мир, во мраке
глазниц тая огонь, твои сыны.

3

По вечерам здесь — карнавал и пир,
и театральный нравится мне норов:
в тебе сошлись десятки Эльсиноров —
тебя, Болонья, выдумал Шекспир.

Ты спрашиваешь, страстная: «To be
or not to be?» — аркадами играя...
Будь! Будь подобьем пасмурного рая —
пригубь, я умоляю, не губи!..

Увы, оруженосцы-травести
вверяют кудри пластиковым сферам —
и мотоциклы, мчащие карьером,
ревут «arrivederci» и «прости».

По вечерам здесь — карнавал и пир...

ГЕНУЯ

Здесь место есть у моря — вроде тех
форосов и пицунд, где генеральных
секретарей излечивали от
пустых мечтаний и радикулита
(заметьте, итальянцы обошлись
покруче с дуче), — и зовется... (Нет,
загадку загадаю: «...холст как парус,
муж так сидит, жена мотает гарус,
и так печальна, господи, сосна,
так улица пыльна, раскалена»...
Вы угадали? Нет, конечно.) ...Nervi!
И не от Нервы лысого, как раз —
в простосердечном медицинском смысле:
здесь нервы укрепляли. (Так могли б
свою Алушту мы назвать Чахоткой,
Чукотку — Одой-Вольность.) В феврале
тут всё в цвету — и тянет искупаться,
гиперборейской блеклой наготой
веселых генуэзцев изумляя
и скучных немцев. Только стыдно...

Что ж,

садись на поезд, благо есть вокзал,
и поезжай (рукой подать!) в Рапалло —
подписывать похабный договор
с грядущей тьмой, как подурневший Юша,
приятель школьный. Молодость прошла.
Вотще рыдает преданное море.

Здесь место есть у моря...

ФЛОРЕНЦИЯ

1

Что мне до статуй косных — то толпой
на площади стоящих, то попарно,
когда внизу мертвеет желтый Арно
и Старый мост попра́л его стопой?

И мне претит, Флоренция, твой гной —
роман твоей истории бульварной
(и мистика, и заговор коварный),
и твой Давид с израненной спиной,

и все твои верховники — с тупым,
нелепо переломленным коленом,
задушенные бархатом и тленом,

и Рафаэль, бесстыдно лъстящий им,
все всплески крыс речных твоих, все фрески
и кардинальский чепчик Брунеллески.

.....

Но колокольня Джотто, но шитье
резной стены, но мраморная кожа,
но живопись — чья дрожь, увы, дороже
всех шумных созерцателей ее?..

Какой сквозит бесчеловечный хмель
в ее нездешней радужной немоте,
достигшей сфер, где плоть, забыв о плоти,
в ночном зрачке яснее, Рафаэль!

*Когда внизу мертвеет желтый Арно
и Старый мост поправил его стопой...*

Ты спишь. Бесчувственное тело,
еще не склонное истлеть.
Куда на время отлетело
стремленье всё уразуметь?
И — страсть всё в мире перетрогать?
Лишь воздух наполняет грудь —
и грудь приподымает локоть...
Хоть полчаса собой побудь!

Не речь, но жалоба лопаток
и плеч до горечи сладка.
И самый точный отпечаток
Творца — безвольная рука
с пустой вселенной на ладони.
Ваятель знал, что делал, — Ночь.
Не мозг, а ворс льняной на лоне
способен ужас превозмочь.

И, словно вызволен из глыбы
невероятнейшим резцом,
ты есть, ты жив, хоть нем, как рыбы,
хоть мысль не властна над лицом,
хоть воле неподвластно тело, —
и сновиденья, как цветы,
в тебе цветут — и нет им дела
до Божьей страшной глухоты.

Если б жил в обители я Сан Марко,
то молился б истово, страстно, жарко
перед сном у росписи фра Беато,
а потом любил бы меньшого брата.

Мы тушили б свечку, обняв друг друга,
нам бы снилась плоть золотого луга —
и была бы глаже она и краше
той, что днем таит власяница наша.

Мы лежали б куколкой, свитой в кокон, —
слава Богу, фрески бездонней окон! —
с головой укрывшись от искр насилия,
и росли бы чистые наши крылья.

А под утро б, словно весна — посевы,
я будил его и просил у Девы,
чтоб избегли всходы греха и срама,
и зеницы дьявола-Джироламо.

ПИЗА

1

Весь город пуст и нем — он ждет,
что башня вновь *не* упадет.
Так день за днем и век за веком.
Здесь речки скверной не узнать —
где спесь? — здесь Арно хочет спать,
сродни родным предсмертным рекам.

Лишь на площадке для зевак —
туристов рой, и мыслит всяк:
вот рухнет мраморное чудо...
Пустые страхи и мечты!
Поверь мне, раньше рухнешь ты —
Фома неверящий, Иуда.

2

Фасады набережной в сон
погружены один — о глади
морской — с рекою в унисон.
И гор тосканских сонный фон
как бы с холста срисован сзади.

И мы в гостинице уснем.
Нам день сегодняшний (вчерашний)
приснится — с тайной, спящей в нем,
с закатом, с сумрачным огнем,
с никак не падающей башней.

*Фасады набережной в сон
погружены...*

Если спросят о Пизе, отвечу: «Арно
там не так коварен, не так коварна,
как в столице Медичей. Даже пицца
там вкусней. Хотелось бы там родиться —
в городке уютном, безлюдном, славном...»
Но молчок! Ни слова о самом главном —
как шептал, взволнован ночной отрадой:
«Дорогая башенка, стой, не падай!»

*С голубизной вливаются в стекло
и звон церквей, и плеск над голубятней...*

(ИЗ ПИНДЕМОНТИ)

В Европе хорошо. В Италии — тем боле.
Всего лишь век прошел — и нет чумазой голи,
по живописи нам знакомой нищеты
(Сильвестра Щедрина она живит холсты,
и ею Александр не брезговал Иванов):
не нежится босяк под сению платанов,
лелея в их тени крамольные мечты.

Но всё же, как у нас, с задержкой поезда
здесь трогаются с мест. А в Риме иногда
блевотиной пахнет — клошаров грязных стая
воспрянет из тряпья гнилого. И простая
меня утешит мысль: и нам не навсегда
отпущена тоски и дикости страда —
и лет через пятьсот она отступит, тая.

В Европе хорошо. В Италии — тем боле...

РИМ

1

Под серпантином дьявольских колонн
и мрамором слоноподобных арок
прошли века. Данайцев злой подарок,
ты, Рим, лежишь, упрочив склоном склон,

как общий череп вымерших когорт,
на пестрый мир пустотами глаза.
И временем всеядным Колизея
уже на четверть съеден черствый торт...

О, пусть прелаты стерегут твои
печатью запечатанные склепы:
мир кончится, когда из них рои

чудовищ выйдут — люты и нелепы
(двоих я Богослову бы назвал —
Калигула и Гелиогабал)!

*Ты, Рим, лежишь, упрочив склоном склон,
как общий череп вымерших когорт,
на пестрый мир пустотами глаза.*

Из цезарей мне нравится один —
прививший Риму трепеты Эпира,
но удержавший вожжи полумира —
от Финикии до британских льдин.

Ты сам — слиянье несложимых стран
и сплав божеств, вливающих в храмы, —
и мир не видел тоньше амальгамы,
чем ты, чужой ромеям Адриан.

Для старовера ты — презренный «грек»
(по-нынешнему — «жид» или «чурек»),
и смерть твою восприняли едва ли

не с радостью. И Клио учит: вот,
народам люб Нерон или Коммод;
а при тебе почти не убивали.

В рай не зайти, как в папские сады, —
лишь очерк вижу с купола Сан Пьетро,
не слыша ни журчания воды,
ни шелестенья крон его от ветра.

А там, должно быть, каждый лепесток
неповторим, и в каждом водостоке
особенный рождается голосок,
и ангелы за так дают уроки

ботаники и музыки... И тут
я вспоминаю «Отдых» Караваджо —
и сладостные образы цветут...

И было б странно, если б *эта* жажда
не утолялась там, где всякий лист
не схож с другими, хоть блаженно чист.

И ночью здесь толпа, но заглушен
минутный гомон шумом вечной влаги.
Фотографируются бедолаги —
и плеск монетки брошенной смешон.

Здесь несколько столетий длится пря
непрочной жизни с каменной пеной —
с разбуженной копытом Ипокреной,
и лирами и брызгами соря.

За вспышкой — вспышка и за бликом — блик:
японцы, немцы, сонмища калик,
хорошенький солдатик жметя к деве —

о, эта жизнь, ярчайшая из книг!..
Но только ты — непреходящий миг,
бушующий в своем покое Треви.

*И ночью здесь толпа, но заглушен
минутный гомон шумом вечной влаги...*

РАВЕННА

1

Всё время кажется, что море
вот-вот увидим за углом,
но в солнечном, в курортном взоре
уже давно не плещет гром.

Пустынна сонная Равенна,
как будто жители на пляж
ушли... увы, и море бrenно —
и входит в перечень пропаж.

Или от Дантевой могилы
и гул стихии голубой
бежит? Здесь выжить хватит силы
японцам лишь да нам с тобой.

И тень певца навряд ли рада,
что тут почти Бахчисарай,
что ни чистилища, ни ада
нет — только выморочный рай.

Пустынна сонная Равенна...

«Потому и пусты саркофаги,
что цари, отряхнувшие прах,
растворились в сверкающей влаге
и парят в мозаичных мирах.
Не из кобальта, золота, хрома
создан мощно изогнутый щит;
он — плева, за которой — плерома:
там плывут мириады Плакид.
Он пленительней сладостной плоти,
шире всех представимых щедрот —
этот, рай отверзающий в гроте
и бессмертием дышащий, свод:
в топком бархате звездного луга,
где пасутся и агнец и конь,
не страшит никакая разлука,
ибо сам он — Христова ладонь...»
Но, завидуя искренней вере,
я спохватываюсь — не лги! —
вспоминая тебя, Алигьери,
и твои ледяные круги.

Ягненок льнет к Его ладони,
и пьет из чаши голубок,
и по траве гуляют кони...
И молод Человекобог —
еще земной и безбородый...
Но маги в красных колпаках
уже несут ларцы — с природой
Его божественной — в руках...
Всё — весть благая для всезнаек:
и крест, и смерть... И Он с тоской
глядит сквозь марево мозаик
на неспасенный род людской.

ПАДУЯ

1

Конец 1230 г. и великий пост 1231 г. были временем наиболее напряженного проповедничества Антония в Падуе... Городские храмы не вмещали кающихся... Рыбы, по сообщению жития, выскакивали на берег, слушая проповедь...

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона

Гнилая челюсть — в золотой
витой оправе. И нетленный
язык. Безропотной вселенной
им проповедовал святой.

Был храм теснее рта — тогда
на площадь отворялись двери,
и из лесов сбегались звери,
и рыб не тешила вода.

И хитроумное росло
из уст ячеистое слово —
мережа доброго улова
и сеть, треножащая зло...

Где эта пря? Спроси у рыб.
До нас лишь персть и позолота
дошли. И свет нездешний Джотто —
глухонемой, как Божий всхлип.

*Здесь несколько столетий длится пря
непрочной жизни с каменной пеной...*

Табун столпившихся людей,
терновых пик венков.
Все лгут. Но худший лицедей —
невоплощенный бог,
а вовсе не Искарот,
чей поцелуем рот
так искажен, не Иисус —
в коросте ложных уз.

Пусть Сыном-Духом-и-Отцом
займется богослов.
Но что случается с лицом
людским от подлых слов
и поцелуев — Боже мой!
Лишь Он, взаимный стыд,
хоть и рожден безликой тьмой,
нам всем сердца слепит.

ВЕНЕЦИЯ

I

Подозреваю, что в раю
есть указатели «К Сан Марко»,
и дождь, и шар, парящий ярко,
и винт, вплетающий струю
в блаженство, налитое всклянь, —
и там не поздно и не рано,
как в стеклодувне на Мурано,
сушить лирическую ткань.

II

Плеск теплых волн и голубей
раз пять сменяется на Пьяцце
на дню. Тут нужно потеряться
и заблудиться. Хоть убей —
здесь, где дельфином Арион
над бездной зиждется коварной:
в парной градирне, в рифме парной
оставь — в просвете двух колонн.

III

Столбцы колонн, вторенья стоп
и вены пенные Киприды...
Не фотографии и виды,
но волн размеренный галоп.
Жизнь продолжается: гондон
плывет в резной тени гондолы.
И лоск венецианской школы
колеблет донный Посейдон.

IV

Здесь дождь уместен, здесь картин
не нужно в рамах и музеев.
Туда, где меньше ротозеев,
где моря плещется притин,
бреди (ты — из неисцелимых,
тебя и граппа не спасет) —
и там смотри, раскрывши рот,
на небо в серых серафимах.

*Столбцы колонн, вторенья стоп
и вены пенные Киприды...*

V

Здесь голубые купола,
двоясь, рифмуясь, две стихии
соединяют, как стихи и
двойник ленивого весла;
и отплывают — еле-еле,
взяв призрак свой на абордаж.
И вот уже кораблик наш
причаливает к Сан Микеле.

VI

Гляди, возлюбленная тень
впотьмах взошла на вапоретто
(здесь, как до разделенья света
и тьмы, еще не создан день,
но миг — и ловкий стеклодув
светило выдует из дыма),
и Та, чья мысль неуследима,
спешит ей вслед, стопы разув.

*Здесь, как до разделенья света
и тьмы, еще не создан день...*

VII

Гнездовье сонных аонид
и жизнелюбое кладбище,
ты — только выпивка, не пища,
ты — не оковы, а магнит.
Здесь выдуваются слова
и смыслы, слава дремлет в доке.
И в темные твои протоки
втекают Амстель и Нева.

VIII

Ты, если вдуматься, не страсть,
не смерть, не маска, не актрисы
грим... (Разве тонешь? Вот же крысы —
они уж не дадут пропасть!)

Ты, если вслушаться, — любовь,
но — в измеренье небывалом...
И легкий мостик над каналом —
над Вислой? — вскидывает бровь.

*Гнездовые сонных аонид
и жизнелюбое кладбище...*

IX

Клад подростковых неудач
и утешительности старой
(чадя гаванскою сигарой,
в ладье качается богач —
под безголосость баркаролл
и весел медленные взмахи).
Характер здесь лежит на плахе,
и море сглаживает пол.

X

Двусреднодышащий инь-янь,
томленьем сцепленный Риальто,
ты тешишь глаз не так, как смальта,
но как слеза, уже за грань
стекая страстного земного;
и кажется: прикрой окно —
исчезнет сновиденье... Но
мы в нем, даст Бог, очнемся снова.

*Под безголоность баркаролл
и весел медленные взмахи...*

ЭПИЛОГ

За день один соединить
три лучших города на свете! —
так ртуть живую ловят в сети
и бисер скрадывает нить.

Венецианское стекло,
и чуть темнее — в Амстердаме;
но та же мгла — в осенней раме —
и желть, и морось, и весло.

И в Петербурге моросит...
Мы как в магическом кристалле!
А коль дивиться не устали,
то гибель музе не грозит.

*И в темные твои протоки
отекают Амстель и Нева.*

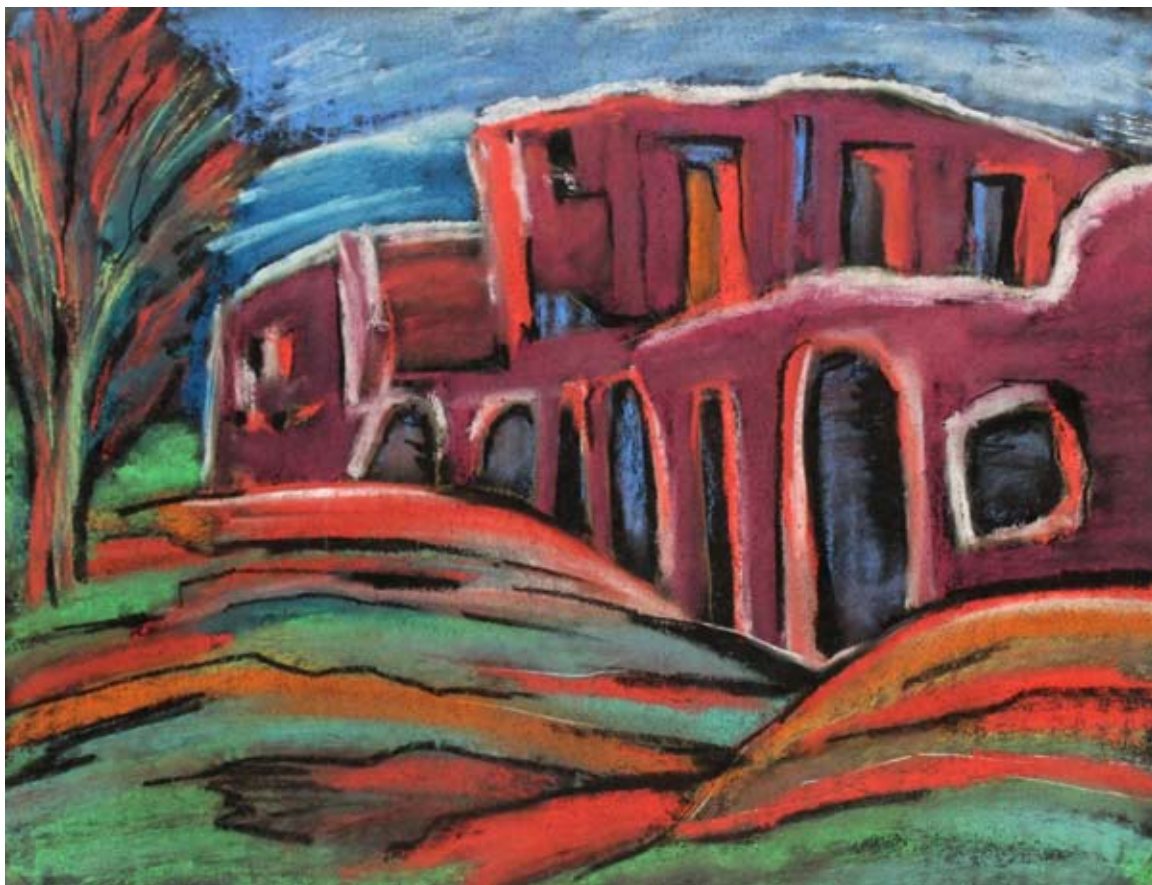
ИЗ РИМСКИХ СТИХОВ

1

От фресок, от мозаик, от картин
уйди в тысячеокие руины,
где воздух стынет в горле окарины
и полон тени пиний Палатин.
Здесь нечто вроде сиверских пещер —
кирпичный ор. И термы, в толк возьми ты,
шестикрылаты строили термиты,
а не, как врут бедекеры, Север.

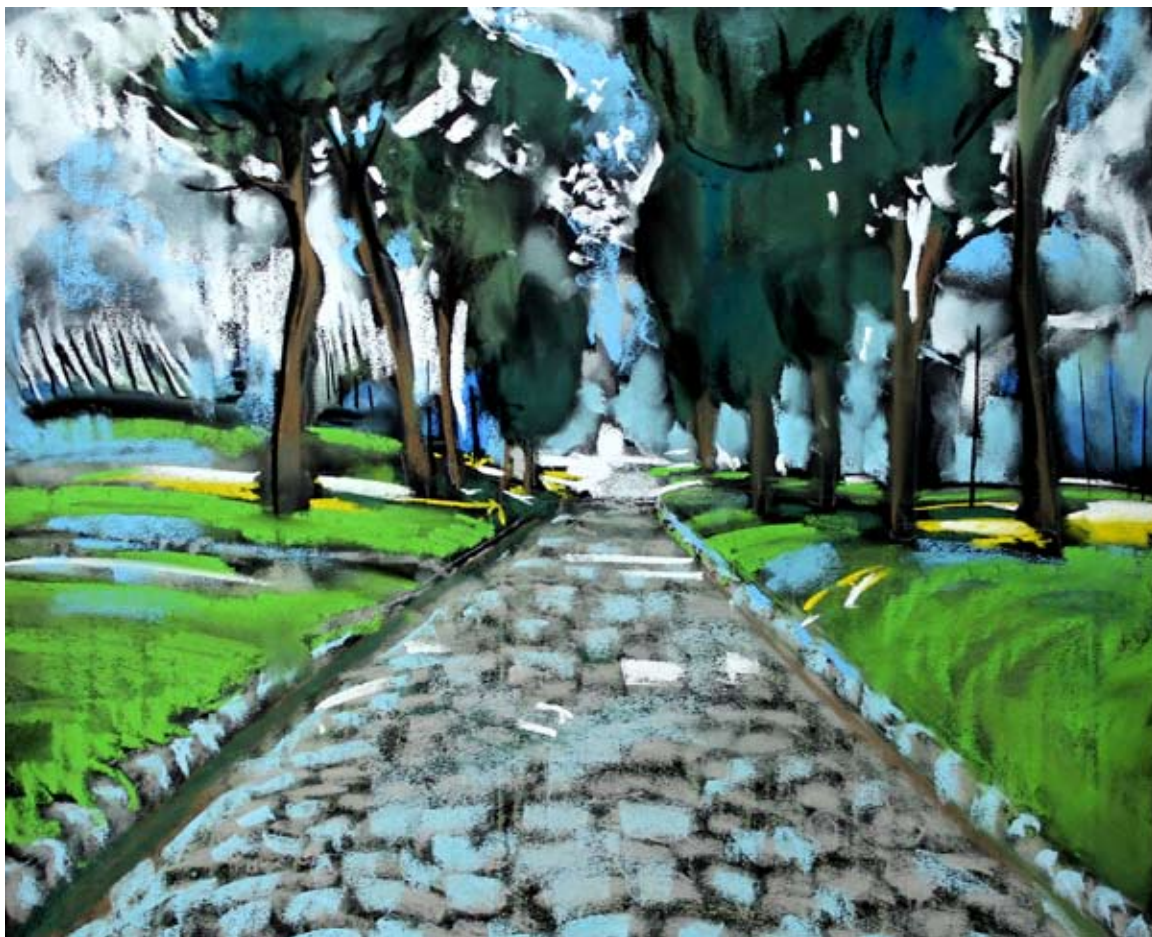
2

«Возлюбленная спутница, душа,
таинственная жительница тела,
уходишь ты из милого предела,
где знала радость, тая, трепеща,
в безобразные области пустого
забвенья...» И его мемориал
бег времени переименовал,
забывчив, в Замок Ангела Святого!

*Здесь нечто вроде сиверских пещер —
кирпичный ор. И термы...*

Двуликий Янус, верный палиндром,
Танатоса и Эроса хоромы —
Рим! (Имена кладем, как серебро, мы
в уста — и радость тешим под ребром.)
Ты — сердце мира, в шрамах и крови.
И все в тебя стекаются дороги.
И, умирая, мраморные боги
в поправшей смерть сливаются Любви.

И все в тебя стекаются дороги...

ВЕДУТЫ

PUNTA DELLA DOGANA

Золотой слепящий шар,
там, откуда лучший в мире
вид на все четыре шири
открывается сквозь пар
мелкой мороси, в краю
мореходных аллегорий,
где грот-мачтою Егорий
держит звонницу свою, —

монотонный Фазтон,
беззаконный сын круженья,
ты плывешь среди скольженья
погруженных в ровный сон,
еле зыблемых гондол
вроде брошенного ростра —
без руля, без цели, просто.
Век могущества прошел.

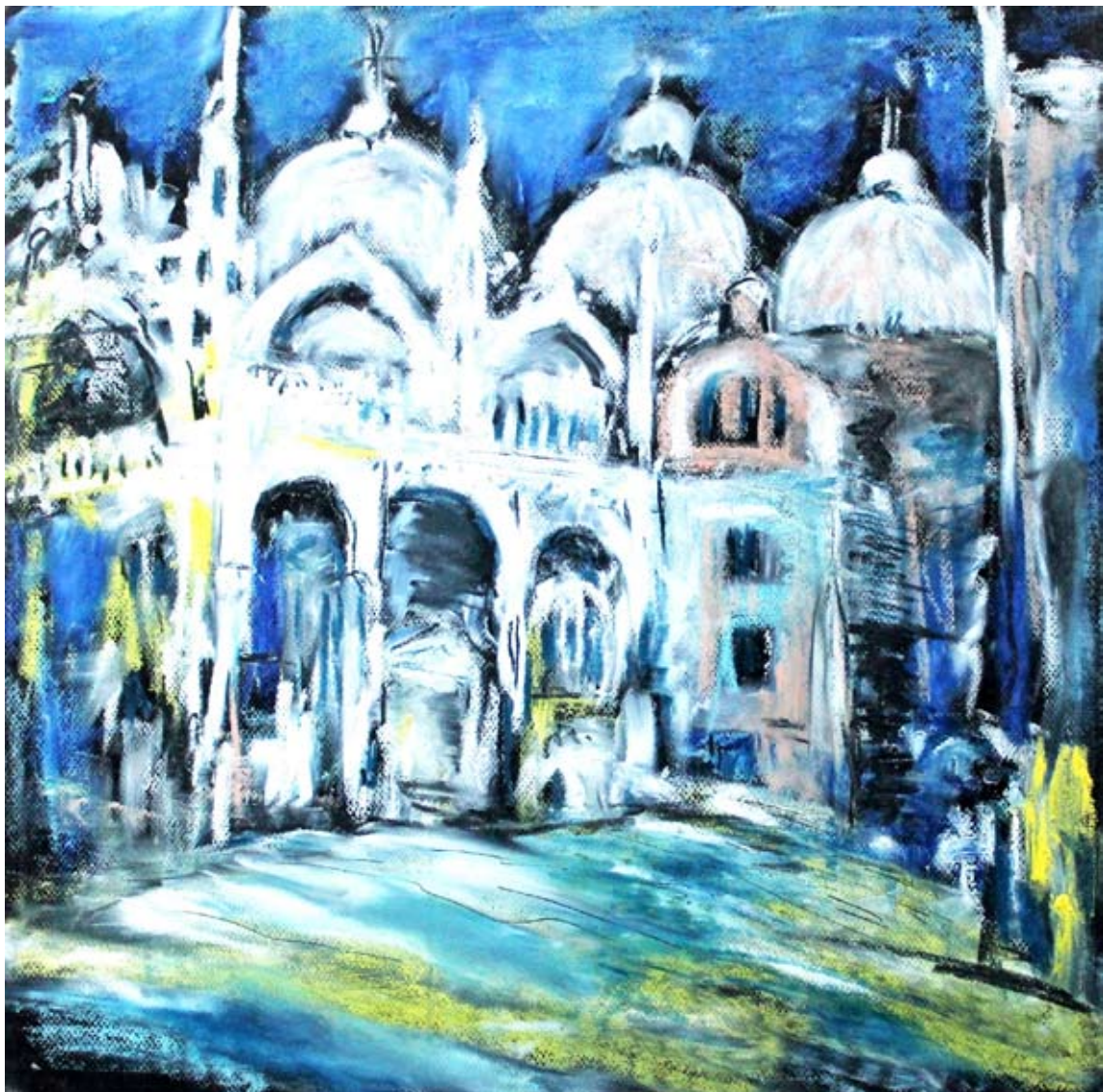
*И кажется: прикрой окно —
исчезнет свиденье...*

SAN MARCO

Подобно усыпальнице, над сонной
волной, ему ласкающей стопы,
он вечно спит, вкушая сон бездонный
и донный ил бессмысленной толпы,
день изо дня под сумрачные своды
пустой глазницы, обращенной ниц,
втекающей, как почвенные воды —
в немые рты разграбленных гробниц.

Весь в сталактитах он и сталагмитах —
резной ларец, не чающий вины,
не помнящий о дожах именитых,
что были с морем им обручены.
Так что же нам в сокровище подводном,
в окаменевшем чудище морском,
когда оно объято сном бесплодным
и небеса не молит ни о ком?

...и дождь, и шар, парящий ярко...

SAN GIORGIO MAGGIORE

Ни стихии — мрамору, ни камня —
мерному Нерею не дано
одолеть. Навеки ровня, равно
мощные и слитые в одно,
так они и борются, играя
вспененными торсами — Пергам
мертвый, — не страшась, не умирая,
оставляя страх и трепет нам...

Да, умрем. Но пей пока кампари.
И следи, как лодки на волне —
пару с парой, словно на опаре —
поднимает (что бессмертье мне
камня и воды глухонемое!),
как вспухает парус на ветру...
Да, умру. Но будет рай тюрьмою
вечной Аквинату и Петру.

*Да, умрем. Но пей пока кампари.
И следи, как лодки на волне...*

FONDAENTA NUOVE

За пять минут от Фондаента Нуове
вас катер довезет до Сан Микеле.
Известно, чем кончается рассказ.
Здесь от величья (нет, не до смешного —
до страшного) лишь шаг. И мы у цели,
где в Лабиринте поджидают нас.

Голубизна ничуть не подурнела,
хоть на ущербе стреляная рана
алеет Солнца, пахана планет.
Сиди себе, плыви — какое дело
тебе до ада, выйди на Мурано —
и убедись, что рая тоже нет.

Есть только Лимб (пусть мы в него не верим):
сплошной платон, витающий бесполо
среди пеленок, сопли и латынь.
Так что нам Марк, с его ученым зверем? —
цыган какой-то, вроде Марко Поло.
А мы, китайцы, знали янь и инь.

Уже слепящий диск наполовину
в волне. Пора в обратную дорогу.
Проверь билет — в кармане ли. И в путь.
К подмявшей Слово-Логос лапе львиной.
И ни кассиру сонному, ни Богу
квитка с пробитой датой не вернуть.

*Сиди себе, пльви — какое дело
тебе до ада...*

МОЛО

Мутные на просвет —
соль, и вода, и свет —
венецианским летом
волны смывают след
наших побед и бед.
Сносу нет их штиблетам.

Нет, не алмаз — обол,
стершийся, как атолл, —
мир: вон тот у причала
вбитый в пучину кол
(вспомни, сколько гондол
лбами в него стучало).

Капля точит гранит,
чайка мутит зенит —
вот и атом устанет
быть пыланьем ланит
и себя возомнит
тем, что есть он, — и канет.

И лишь волне — во мне,
и вне меня — вполне,
как при Ахилле, вольно:
что-то бормочет не-
внятно — словно во сне,
слепо и безглагольно.

И легкий мостик над каналом...

PONTE DI RIALTO

Легок только под утро
Риальто, когда все спят, —
арка из перламутра
или воронка врат
шлюза, в котором Летой
станет Большой канал:
въедешь на вапоретто
раннем — и всё, пропал.

Мокнет сознание в граппе,
как и бахил — в воде.
Лев, с писаниной в лапе,
черт его знает где.
На карусель подсели —
и закружились так,
что не найти постели
в потном мотке никак.

С той стороны канала,
с этой? — поди пойми.
Все поменял меняла
номера над дверьми.
Встречные — как в баутах:
«scusi», «sorgu», «pardon»...
В водорослях и путах
выйди, что царь Гвидон,

и, где всего круглее
мрамор земной, замри:
Глория-Лорелея —
в зыбком трюмо зари.
Стикс утекает вправо,
влево Коцит трусит,
мраморная забава
над пустотой висит.

*Двусреднодышащий инь-янь,
томленьем сцепленный Риа́льто*

CAMPO SAN POLO

а

Сюда, похоже, не заводят тропы
туристов — в кондоминимальный рай
воскресной, одомашненной Европы —
в приземистый Сан Поло... Покупай
недорогую граппу в гастрономе.
Зайди в local, где все вокруг свои
(тебя, слегка смутившегося, кроме).
На лавочке у храма покури.
(*Свои и покури* — конечно, куце,
но здесь сойдет.) Из церкви валит люд.
Не ты, пиит, — питомцы конституций
пройдут в ушко блаженства, как верблюды.

б

Венецианского Сан Поло
провинциально-полый рай!
Церковно-праздничная школа...
Не знай печали и играй
на клавесине сердца, а не —
тромбоне чувств. Зайди в local,
где точат лясы прихожане,
и закажи шестой бокал,
слегка смущаясь их минору
с неодобреньем пополам:
кто пьет кампари в эту пору,
того к потемкам ждет бедлам.
Но день покуда, и дилемма:
эдем вокруг или Содом,
и не звездой ли Вифлеема
чужак неведомый ведом?

CAMPIELLO SPIRITO SANTO

Марк 14: 51–52

Сидеть бы со стопкой граппы
на кампо каком-нибудь,
где и не двинуть лапы
в бессмысленный дольний путь
(осенние дни не люты
здесь и толпа не зла), —
и видеть делла Салютэ
блаженные купола.

С утра заливая зенки,
чтоб вжиться в пожар листвы
(вдали от поземки, подземки —
от рифм вдали, увы),
с закинутой головою —
«кво вадис?» и «кто таков?» —
следить за лепной ботвою
клубящихся облаков.

О, облака. О, влага
Преображенья. О,
само отрицанье шага,
стопы, само естество.
Сама тоска мировая,
которая так легка —
от края небес до рая.
О, благо. О, облака.

Овалы. Валы. Обвалы
в их Альпах. Их сеновал.
Их перлы, их опалы.
(Весь век бы с ними дневал,
как лев — над чистой страницей!)
Их мраморный морок, мрак.
Лучшее, что присниться
смогло мирозданию, Марк.

Не стояло, но и не стало
таким, чтоб его персты
коснулись, — о, покрывало
невиданной наготы...
Лишь под лежащий камень
они, облака, всегда
текут и текут стихами —
без умысла, без следа.

*Сидеть бы со стопкой граппы
на камне каком-нибудь...*

SANTA MARIA DELLA SALUTE

а

Эти купола голубоватые —
в небе, в колыханье за кормой —
душу набухающую сватают
с раем (что невесте гной чумной!),
где-то там цветущим полной мерой
над лепным и рыхлым потолком
облаков, — с девичьей полусферой,
с облой негой, полной молоком.

С Рождеством! В сравненье с ней нелепы
все земные храмы, погляди, —
только склепы, тесные вертепы,
а Младенец тянется к груди.
Но и ты — теперь, склонясь с волхвами, —
видишь то, чего не емлет глаз, —
свет двух лун: одна объята снами,
а другая молится о нас.

б

Санта Мария
делла Салютэ —
сна пузыри и
райской валюты
знак водяной.
Не скорлупа ли
Святого Духа —
эти овалы,
что легче пуха
в бездне двойной
спят неподвижно, —
не облака ли?
Рай, и не книжный —
тот, что алкали:
голубь и глубь...
Как утвердиться
в зыбких и мнимых?..
О, Голубица,
неисцелимых,
нас, приголубь!

PIAZZETTA

Не кошелек, расшитый бисером,
набитый тяжкими дукатами, —
плывет Сан Марко первым глассером
к лагуне дугами покатыми,
из тьмы сверкающими сводами —
Язона золотой овчиною,
жемчужиной, рожденной водами —
их пасмурной первопричиною...

Венеция, незабываемая,
хранемая в зенице, снятаяся...
Не знаю, причастимся ль раю мы,
но фотография слепящая
в лоханке площади полощется
и постепенно проявляется —
как плащаница; голубь плещется —
и тоже раю изумляется.

*Так ртуть живую ловят в сети
и бисер скрадывает нить...*

ВЕНЕЦИАНСКОЕ УТРО

Счастливы-окна видят каждодневно
то, что для нас — одно из дивных див:
себя рождает сонная царица,
брачуя блеск лазури и прилив,

но недоволяясь никогда.
И снова утро пригоршни опалов
ей возвращает щедро; а вода
преумножает зеркала каналов;
и, молодой всплывая из анналов,
она опять становится — о, да! —

той нимфою, что Зевсом пленена.
Звенит серьга, и нега — в томном взоре.
И, приподняв Сан Джорджио Маджоре,
как чудо-вещь, вся светится она.

(Rainer Maria Rilke)

*Себя рождает сонная царевна,
брачуя блеск лазури и прилив...*

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ В ВЕНЕЦИИ

Она теперь не кажется приманкой
для дней, ее ловивших на лету.
Хрусталь дворцов позвякивает склянкой,
разбитой о зрачок. И красоту

сменил в садах раздрай марионеток,
качающихся на ветру.
Но от стволов и полуголых веток
исходит мощь — и если бы к утру,

удвоив флот, его из Арсенала
спустить распорядился адмирал,
то на заре, пропахшей небывало

смолою, флот сиял бы у причала,
весь в парусах, и ожидал сигнала,
непобедим, ловя фатальный шквал.

(Rainer Maria Rilke)

*Она теперь не кажется приманкой
для дней, ее ловивших на лету...*

САН МАРКО

В дуплистых этих недрах, где, змеясь,
стекает смальта золотистой лавой,
погружены в изысканную смазь
запасы тьмы, хранимые державой

и тайно пополняемые, — мрак,
противовес изветливому свету,
все вещи растворяющему: нету
их, есть они? — ты не решишь никак.

И, отсекая косность галерей,
оснасткой шахты охвативших свод
сияющий, их тяжкие вериги,

ты видишь цельность ясную, но в ней
невдалеке от натиска квадриги
щемящая уступчивость живет.

(Rainer Maria Rilke)

***

Ты пробуждаешься, о Байя, — Бог
с тобою, Байя!
Не всякий бог восстать из гроба смог —
и Байя не любая.

Тайфун, землетрясение, вулкан
(Неаполя, к примеру) —
а ничего! Лишь пасмурный сафьян,
дурманящий триеру.

Иль это яхта русских богачей?..
Пусть Бог не выдал,
но не смущает взор уже ничей
твой утлый идол.

И честные патриции, увы,
не понаедут к маю
из Рима, не сносивши головы,
в целительную Байю...

Дремотное баюканье олив,
благоуханье рая...
Но Время, и богов испепелив,
течет, играя.

Субстанции властительнее нет,
неумолимей, неу-
ловимей! Твоему, поэт,
Оно сродни напеву.

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

1. Гаэта

Возвращенное лето
под конец сентября —
эта крепость Гаэта!
Прилетели не зря

из угрюмого края
к nereидам: Нерей
шлет, трезубцем играя,
волны в скалы под ней...

Нереиды благие!
Чьим красотам дивясь,
за стихи и стихии
(загрустив, веселясь),

за мечтавших о море
южном (живы — должок)
со слезою во взоре
выпьем граппы, дружок, —

за жида, эфиопа,
спящих в русской земле!
...Хорошо хоть, Европа
держит ноги в тепле.

*Возвращенное лето
под конец сентября...*

2. Сперлонга

Не уместить шезлонга
горизонтально в ней:
крошечная Сперлонга —
сонмище ступеней.

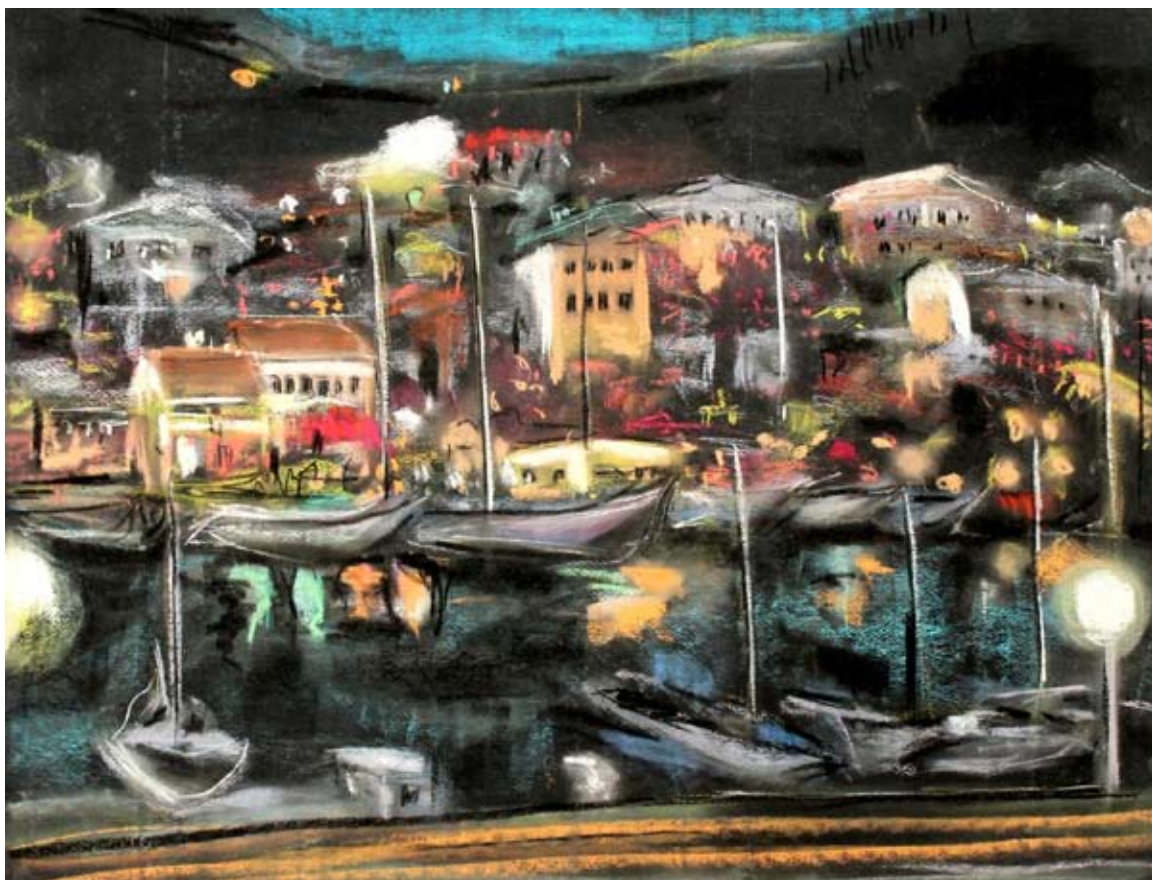
Что-то из Лонга: Хлоя,
Дафнис, надои коз;
сельское и морское —
разуму вперекос.

Обзавелась решпектом:
лавки и бутики, —
даже почти проспектом —
в три-четыре руки.

Местные ветераны
зорко сидят в тени —
и изучают страны
в лицах: чудны они.

Немцы, американцы
бродят туда-суда
(фотки-протуберанцы) —
праздные, ждут, когда

Дафнисова сиеста
кончится (ровно в шесть!),
Хлоя замесит тесто —
и позовут поесть.

*Крошечная Сперлонга —
сонмище ступеней...*

3. Неаполь

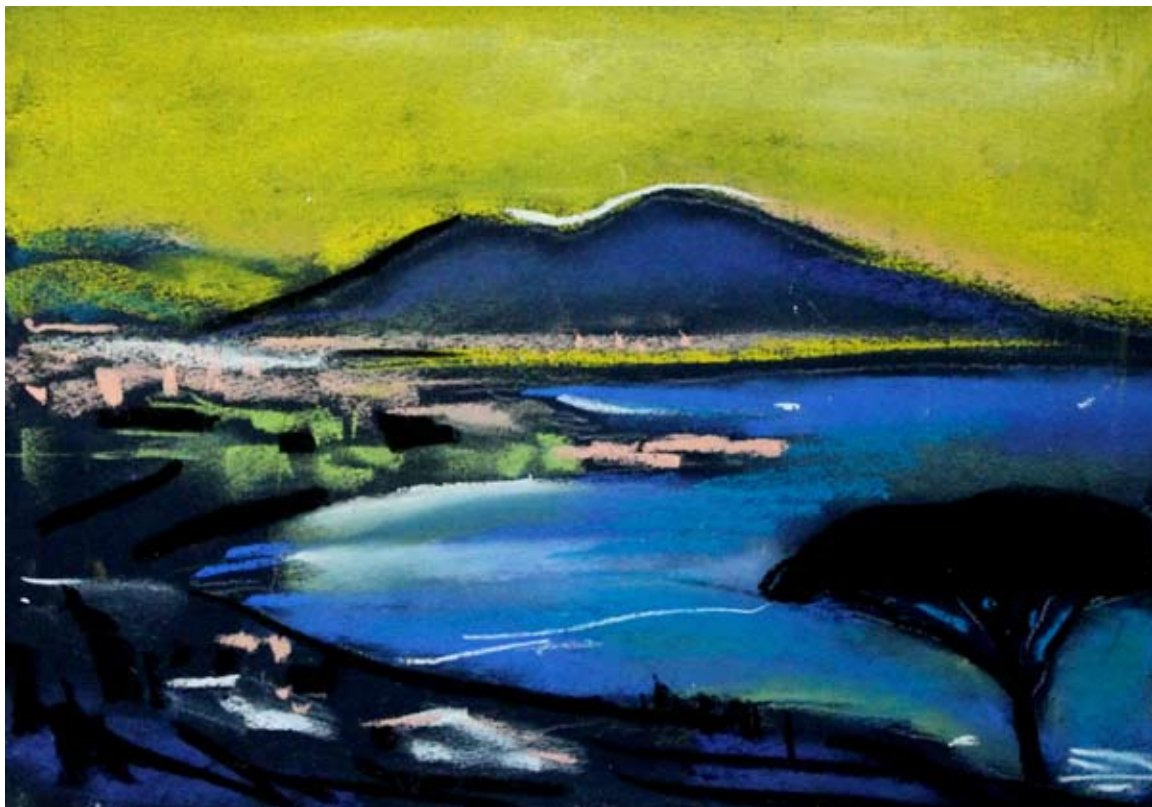
Испанское безумие на фоне
Везувия. Под скопищем аркад
миниатюрны клодтовские кони.
Сияет в небе бронзовый дукат.

Запущены фасады. Груды сора.
Кумиры мертвых росли и грозны.
Всё скоро прахом скроется от взора.
Испепелится око. Канут сны.

.....

Музей. Полголовы Веспасиана.
Огромный шар когда-то был разбит.
Но что ему до этого изъяна,
чудовищу, до каменных обид?

И что до нас ликующей Природе,
спешащей всё сметающей рекой?..
Приплывшему сюда на пароходе
Фетида емлет жребий, — но какой!

*Испанское безумие на фоне
Везувия...*

РИМСКИЕ ДНИ

1. Circo Massimo

Прекрасного должно быть до фига:
и шествия, и скачки, и бега;
согнать со всей империи рычащих
зверей, вождей плененных и слонов —
и двинуть в ров, — основа из основ;
с улыбкой слушать царедворцев льстящих

и удовлетворенный рев арен.
А то, что ты — какой-то там Макрен,
Макрин, минутный повелитель Рима,
вчерашний всадник, завтрашня снесь
ожесточенья, лучше не иметь
в виду; твоя судьба непоправима.

Сиди, смотри кровавые бои —
их любят все сограждане твои,
но распаленным этих зрелищ мало:
убить тебя — что кинуть конфетти! —
убить тебя — и бросить на пути
вступающего в Рим Элагабала.

Терпеть того в течение лет пяти.

И шествия, и скачки, и бега...

2. Palatino

Великое Ничто — то в мраморе крылатом,
то в золоте литом, — по храмам и палатам
расставленное здесь искуснейшей рукой
несметных мертвецов, несомых, как рекой
забвения, на миг явившейся минутой,
являет в суете красы свой облик лютый.

Не о глазницах терм реку — о полноте
Прекрасного, увы, подобной пустоте, —
о трепетной Пьете на фоне вечных сосен:
незнающим, им кряж могильный плодоносен;
но ты — как Пий, как Сикст — лишь камень, щебень, тлен, —
запечатлен резцом иль не запечатлен.

Поверил бы отцам, пророчащим деревьям
о Царстве Неземном; но утлым суеверьям
потворствуют собор, надгробие, плита...
Нет, здесь не дышит Дух; Искусство — пустота.
Убогому уму оно — подмена Бога...
Боюсь, за это с нас *никто* не спросит строго.

Уйди в тысячеокие руины...

3. Quirinale / Pinus pinea

И Сикст, и Пий, и Цезарь, и Нерон...
Процессия всеобщих похорон.
Ты — кладбище громадное всего лишь,
прекрасный Рим под небом голубым;
и странно мне, что ракурсом любым
ты мой недолговечный глаз неволишь.

Ужели персть земная — и титан,
кем потолок капеллы папской дан —
и грозная стена напоминанья?
Сменяются хозяева палат,
с творцами их соскальзывая в ад;
разрушатся и статуи, и зданья...

А я, чужак, как некогда Север
какой-нибудь, не знающий манер,
гляжу на этот Голем с Квиринала —
и пинии, раскрытой в небеса,
твержу свое «Спасительна краса!»;
но и Петра она не понимала.

4. Pantheon

Отверстие, нацеленное в высь:
не всем богам, небесным лишь молись.
Построил, пишут, щедрый Марк Агриппа,
друг Августа; а позже Адриан
украсил; был ободран и засран;
но выстоял, очнувшись, как от гриппа,

от бреда и беспамятства веков.
Величественнейший из потолков,
скажи, о чем молчат твои кессоны!
Где боги — Марс, Меркурий, Аполлон,
Юпитер?.. Ими космос населен
или Аид? Где слышимы их стоны?..

(За два тысячелетия никто
не посягнул на звездное лото,
на домино небесное: ни Марка
нет, ни Петра, ни Павла, ни Луки
на зыбком своде; только светляки
язычников на нем сгорают ярко.)

Теперь тут церковь Мучеников всех
и Приснодевы... но, — прости мой грех,
Заступница, — неясные святыни:
могилы итальянских королей,
ученая окружность, а над ней —
не крест, но линза безответной сини.

5. Serapeum. Tivoli

Он приходил сюда по вечерам,
один, — и воскресал прекрасный срам:
Александрия, грязный рай Канопа,
где Каллипиге вторит Каллиопа.

Всё совершилось в жизни, всё сбылось.
Он видел мир, как пифия, насквозь —
все чудеса, все страны, все чертоги...
И сам он — бог. И с ним сроднились боги —

Серапис, Марс, Асклепий, Антиной...
Он верит в них, как в зримое: их зной
неугасим в сетчатках опаленных.

Солдаты спят никчемные, жена.
И лишь александрийская луна
всю ночь горит из вод желто-зеленых.

6.1. Laterano

«Prossima fermata San Giovanni».
Выйди, онемев от красоты...
...В катакомбах, в клетках, в котловане...
Большинства людей счастливей ты.

В черноту зрачка нетерпеливо
собираешь Рим. Ну, погляди:
в грозовую даль уходит Via
Appia. Постель возьми, иди!

Серapis, Марс, Асклепий, Антиной...

6.2. Santa Maria in Palmis

Изумился Идущему в чрево
вавилонское: «Боже, куда?!»
Ни направо свернуть, ни налево...
Ничего нет прекрасней стыда!

Надо думать, он встал с петухами,
чтобы вновь от судьбы ускользнуть;
но внезапно огромное — *камень!* —
преградило спасительный путь:

«Ну а ты-то куда?» — и взглянуло,
как возлюбленный преданный, в ночь
его глаз. И Петра развернуло...
Только стыд и способен помочь.

7. San Pietro

Благословил Франческо из окна
столпившийся на площади народ.
Была одна рука его видна.
И в тот же день (как бы наоборот)
нам повстречался беженец без рук,
просящий подаяния араб.
О, эта нищета! О, этот Юг!..
Когда же мир узрит безруких пап?

*Но внезапно огромное — камень! —
преградило спасительный путь...*

* * *

Е. Б. Рейну

Хотел бы Венецией дивной
когда-нибудь с Вами пройти, —
искуснейший этот, наивный
соблазн обсудить по пути.

На Пьяцце вспугнув сизокрылых,
держали б мы к северу путь, —
где видится берег в могилах,
а граппа дешевле чуть-чуть.

Здесь лев, понимающий в Слове,
когтистую ставит печать, —
и на Фондамента Нуове
нам лучше всего помолчать.

Чернее чернила лагуны,
чем что-нибудь было когда...
Но — солнца, планеты и луны!..
Вот — Ваша сияет звезда.

*

Сергею Слепухи́ну—

Стихи до Рима нас не доведут,
Зане велеречивы и надуты,—
Где взять им обалдые ведут—
Отарованье похвальной минуты?

Поможет кисть, помогут краски им,
Звать Натуру не способным зримо,
Безжизненным, но всё-таки писком,—
И доведут, пусть под руки, до Рима.

2015

А

СОДЕРЖАНИЕ

«В Венецию или Тоскану...»	5
СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ	
БОЛОНЬЯ	
1. «С голубизной вливаются в стекло...»	11
2. «Пусть башни склонны падать — им упасть...»	11
3. «По вечерам здесь — карнавал и пир...»	12
ГЕНУЯ	14
ФЛОРЕНЦИЯ	
1. «Что мне до статуй косных — то толпой...»	16
2. «Ты спишь. Бесчувственное тело...»	18
3. «Если б жил в обители я Сан Марко...»	19
ПИЗА	
1. «Весь город пуст и нем — он ждет...»	20
2. «Фасады набережной в сон...»	20
3. «Если спросят о Пизе, отвечу: Арно...»	22
(ИЗ ПИНДЕМОНТИ)	24
РИМ	
1. «Под серпантином дьявольских колонн...»	26
2. «Из цезарей мне нравится один...»	28
3. «В рай не зайти, как в папские сады...»	29
4. «И ночью здесь толпа, но заглушен...»	30
РАВЕННА	
1. «Всё время кажется, что море...»	32
2. «Потому и пусты саркофаги...»	34
3. «Ягненок льнет к Его ладони...»	35
ПАДУЯ	
1. «Гнилая челюсть — в золотой...»	36
2. «Табун столпившихся людей...»	38
ВЕНЕЦИЯ	39
ЭПИЛОГ	48

ИЗ РИМСКИХ СТИХОВ

1. От фресок, от мозаик, от картин...» 50
2. «Возлюбленная спутница, душа...» 50
3. Двуликий Янус, верный палиндром...» 52

ВЕДУТЫ

- PUNTA DELLA DOGANA 54
- SAN MARCO 56
- SAN GIORGIO MAGGIORE 58
- FONDAVENTA NUOVA 60
- MOLO 62
- PONTE DI RIALTO 64
- CAMPO SAN POLO 66
- CAMPIELLO SPIRITO SANTO 67
- SANTA MARIA DELLA SALUTE 70
- PIAZZETTA 72
- ВЕНЕЦИАНСКОЕ УТРО 74
- ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ В ВЕНЕЦИИ 76
- САН МАРКО 78

«Ты пробуждаешься, о Байя, — Бог...» 79

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

1. Гаэта 80
2. Сперлонга 82
3. Неаполь 84

РИМСКИЕ ДНИ

1. Circo Massimo 86
2. Palatino 88
3. Quirinale / Pinus pinea 90
4. Pantheon 91
5. Serapeum. Tivoli 92
- 6.1. Laterano 92
- 6.2. Santa Maria in Palmis 94
7. San Pietro 94

«Хотел бы Венецией дивной...» 96

«Стихи до Рима нас не доведут...» 97

Алексей Пурин

ВЕДУТЫ

СБОРНИК ПОДГОТОВЛЕН К 60-ЛЕТИЮ ПОЭТА

Художник: Сергей Слепухин
Дизайн и вёрстка: Евдокия Слепухина

ISBN 978-1-312-94416-9

Издательство «Евдокия»
г. Екатеринбург
2015